

Шведский путь газеты «Искра»

(по секретным материалам жандармских управлений)

«Искра», первая общерусская политическая марксистская нелегальная газета, была создана В.И. Лениным в 1900 г. Местопребыванием редакции был избран Мюнхен (в 1902 г. — Лондон, в 1903 г. — Женева). В Россию «Искра» переправлялась: через Скандинавские страны в Архангельск, через Кенигсберг — в Каунас, через Львов — в Киев, через Румынию, Болгарию — в Одессу, через Александрию — в Херсон, через Марсель — в Батуми, из Вены через Тебриз (Тавриз) — в Баку. (Большая советская энциклопедия, т. 10, стр. 462, М., 1972.)

Из переписки по жандармскому ведомству

Жандармским офицерам на пограничных пунктах (из сообщения от 15 июня 1903 г.): «По полученным из агентурного источника указаниям, проживающие за границей революционеры для нелегальной перевозки в Россию революционной литературы ввели в употребление новый способ отделки сундуков и чемоданов, заключающийся в обкладывании внутренности их революционными изданиями на тонкой бумаге, причем толщина слоя нелегальных изданий не превышает пальца. Предпочтительно пользуются чемоданами, верхняя часть которых складывается гармошкой, большей частью деревянной. Расстояние между сторонами наполняется революционными изданиями так, что толстый слой помещается в середину, а приближаясь к стенкам рамы, слой идет тоньше. Поверх изданий накладывается картон, углы которого вырезаны так, что он вполне прилагивается к раме, а сверху картона наклеивается крахмалом новая или старая подкладка. В крышку обыкновенного размера чемодана с гармошкой накладывают около 300 номеров «Искры» на тонкой бумаге. Подобная крышка имеет около 1/2 пальца толщины и гнется легко, так что даже опытному глазу трудно заметить, подклеена ли литература в чемодане или нет, и для обнаружения таковой нужно или разрезать стенки, или прокалывать их во многих местах.

Независимо сего имеются указания, что нелегальная литература перевозится в России также в шкафах-ледниках, служащих для домашнего употребления, причем нелегальные издания помещают обыкновенно в толстых стенках упомянутых шкафов, для чего выбрасывают торф, вложенный в такие аппараты для уменьшения проникновения вовнутрь тепла, и заполняют пространство нелегальными изданиями».

Начальнику жандармского управления Финляндии генерал-майору Фрейбергу (из сообщения от 1 октября 1903 г.): «1 сего октября в 10 часов утра по прибытии на станцию СПб Финл. ж.д. почтового поезда № 6 у пассажира, предъявившего паспорт на имя германского подданного Эрнеста Дульца, обнаружены при таможенном досмотре в четырех чемоданах с двойным дном издания преступного содержания на русском и латышском языках, весом около 43 килограммов. Провозитель сознался, что паспорт не его, а он гродненский мещанин еврей Авраам Хазанович, студент Берлинского университета. Он передан в СПб охранное отделение... Задержанный пассажир прибыл из Гельсингфорса».

Генерал-майору Фрейбергу (из сообщения от 2 сентября 1903 г.): «...По полученным негласным путем сведениям, объявленный несостоятельным должником бывший купец Альфред Блумквист совместно с хорошо известным Сестрорецкой (Белоостровской, — М. Л.) таможенником контрабандистом Сеппяненем и арендатором имения Парвиайненем занимают тайным водворением в империю революционной литературы. Служа посредниками по получению этой литературы из заграничных, они снабжают проживающих в Финляндии на дачах русских, по преимуществу студентов, и этим путем зарабатывают хорошие деньги».

Проживающая в Выборге, по Константиновской улице, д. № 10, престарелая мать Блумквиста не так давно выразилась, что дела ее сына шли очень плохо, но нынешним летом благодаря сношению с русскими студентами, которым он доставляет «заграничные книжки», дела его сильно поправились. В настоящее время Альфред Блумквист живет на мызе Хаапала (Ильичево) Кивинавского прихода Выборгской губернии (близ ст. Куоккала (Репино, — М. Л.) Финл. ж.д.), арендуемой упомянутым Парвиайненем, который большую часть времени проводит в СПб. Контра-

бандист Андрей Сеппянен проживает в деревне Куоккала... где имеет собственные дачи, но как Сеппянен, так и Блумквист наблюдаются в постоянных разъездах по Финляндии, причем очень часто посещают г. Выборг...».

Далее сообщалось, что за этими лицами необходимо установить наблюдение, но это невозможно сделать, т.к. мало секретных агентов. Так, начальник выборгского охранного отделения Борисов в июне 1903 г. сообщал, что у него на службе состоят всего четыре секретных агента, в том числе «крестьянин Иван Антипов(ич) Макаров (псевдоним «Извозчик») проживает близ станции Белоостров Финл. ж.д., занимается извозным промыслом и вместе с тем промышляет контрабандой».

Газеты под одеждой

Из донесения филера выборгского охранного отделения Артура Рекстина: «Песочная» (условное имя наблюдаемой дамы. — М. Л.) прибыла со стороны Выборга на ст. Куоккала с поездом № 6 в 7 ч. 52 м. утра, имела при себе пакет длиной вершков 7, шир. и толщ. вершков 5, взяв извозчика, уехала на дачу Фогельстрема по Новиковской улице... оттуда вернулась на станцию с некоторыми домашними вещами и корзиночками, но без упомянутого пакета. В это время подошел почтовый поезд из Выборга № 16 в 5 ч. 15 м. дня... Заняла место в вагоне II класса и с этим поездом уехала в сопровождении меня. В пути я проходил вагоны и заметил, что с «Песочной» сидит еще одна-то (молодая) дама, по-видимому, знакомая. Обе вели между собой тихий разговор. Подъезжая к ст. Белоостров, обе засуетились... держали себя тревожно, несколько раз вставали и поправляли платье, всем этим конспиративным (поведением) обратили они внимание... По указанию Рекстина управляющий таможен, губернский секретарь Самоквасов произвел личный досмотр вещей пассажиров — якобы плановый обход. Рекстин при досмотре не присутствовал. Далее из донесения: «Было обнаружено, что у младшей из пассажирок... что-то скрыто под верхним платьем... Ее пригласили в комнату для личного досмотра. Где была обнаружена у нее под верхним платьем (в нижней юбке, специально устроенной со множеством карманов вдоль юбки и зашпиленных) нелегальная русская литература (156 экз. газет. — М. Л.)...».

У «Песочной», также в нижней юбке, было обнаружено 244 экз. газет. При составлении протокола задержанные дамы отказались его подписать и назвать свои фамилии. Газеты были отправлены в СПб начальнику Финляндского жандармского управления. После произведенного дознания были установлены личности задержанных. «Песочной» оказалась бывшая учительница Евгения Ивановна Рельева, а младшей пассажиркой — Миклашевская (урожд. княгиня Кропоткина). У последней был найден проездной билет II класса от Петербурга до ст. Куоккала и обратно. Филер Рекстин в тот же вечер направился на ночную засаду у дачи Фогельстрема в Куоккалу, предварительно взяв на помощь филера Зайцева из Териок (Зеленогорска) и жандармов Аптекарева и Козырева из Куоккалы. Наблюдение за дачей результатов не дало. Утром 3 октября помощником начальника Финляндского жандармского управления (в Выборге) подполковником Гибером фон Грейфенфелсом был произведен обыск

дачи, который также был безрезультатным. Обратил внимание на сообщение департамента полиции по жандармскому отделению от 8 августа 1903 года: «В случае возвращения наблюдаемого Арвида Неовиуса из Стокгольма (о нем речь пойдет ниже. — М. Л.) с транспортом нелегальной литературы в отношении него никаких следственных действий предпринимать не следует, самый же транспорт должен наблюдаться и задержать уже в пределах империи и, по возможности, с получателем».

Финляндцы против русификации

В феврале 1899 года Николай II своим манифестом изменил конституцию автономного Великого княжества Финляндия и подчинил ее российской законодательству. Таким образом Финляндский сейм был сведен до положения совещательного органа. Это вызвало широкий протест среди законопослушных подданных автономного государства. В невероятно короткий срок они собрали 500 000 подписей с обращением к царскому правительству об отмене февральского манифеста. Многочисленная делегация финляндцев прибыла в Петербург с обращением, но правительством принята не была.

Русификация Финляндии росла с каждым годом. Так, в 1901 году в Финляндии помимо двух государственных языков (финский и шведский) был введен третий — русский. Пассивная борьба за исторические права жителей Великого княжества привела к всеобщему народному движению.

На антиправительственную к Российской империи деятельность со стороны сенаторов и чиновников царское правительство ответило их массовыми увольнениями и административными высылками за границу. Эти лица, проживая в Швеции, сплотились в довольно сильную организацию, ставящую перед собой задачу проведения агитации среди финского населения с целью срыва всех мероприятий, осуществляемых русским правительством.

Во главе организации стояли бывший сенатор Лео Мехелин, английский вице-консул Евгений Вольф, писатель Кони Цильякус и др. Они считали, что возвращение положений конституции, утраченных Финляндией в 1899 году, возможно лишь с ниспровержением российского государственного строя. Одной из главных задач этой организации было содействие проникновению в империю скрытых деятелей и доставка в пределы империи нелегальной литературы. Организация была готова оказывать русским революционерам всяческую поддержку, в том числе и материальную помощь.

Забегая вперед, можно привести секретное сообщение начальника Финляндского жандармского управления генерал-майора Фрейберга от 9 сентября 1904 года за № 2622: «Социальная пропаганда среди рабочих в г. Гельсингфорсе в настоящее время приняла враждебное правительству направление, имеет большой успех и может принять весьма острый характер. В наружных проявлениях, характеризующих успех социал-революционной пропаганды среди рабочих г. Гельсингфорса, летом этого года недостатка не было. Весенний всеобщий рабочий праздник ознаменовался большой демонстрацией

с шествием по городу и явно противоправительственными речами. После убийства генерал-губернатора Бобрикова (*) все принадлежащие к социалистической партии рабочие и часть интеллигентной молодежи надели ярко-красные галстуки. Число таких галстуков было весьма внушительное. Этим летом финляндские социалисты впервые выступили с разбрасыванием по городу всевозможных противоправительственных прокламаций по содержанию террористического, крайне революционного характера... Сепаратная, крайне революционная фракция, отделившись от фракции пассивного сопротивления, стала работать на социалистической почве, дабы подготовить рабочую массу к революционному движению... Какой успех имеет этого рода пропаганда, достаточно сказать, что по агентурным сведениям теперь рабочее собрание заканчивается почти всегда политическими совещаниями, на которые допускаются только известные члены рабочих кружков...».

Царское правительство в ответ усилило борьбу с инакомыслящими в Финляндии. В подпольной газете Fria ord (издаваемой в Финляндии на шведском языке) от 5 апреля 1903 года сообщалось: «...Так называемое розыскное отделение, иначе говоря, русская жандармская шпионская контора, с некоторым пор находится в Выборге. Весьма вероятно, что угровые находятся и в других местах, судя по тому, что почтовое управление в начале марта издало циркуляр о том, что почтовые отделения и снабженные служебной печатью, не должны облагаться почтовым сбором».

В связи с этим сообщением финляндский революционный комитет (при содействии выборгских почтовых чиновников) распорядился установить наблюдение за корреспонденцией, получаемой выборгским охранным отделением, а также за лицами, имеющими к нему отношение.

Без сочувствия к России

Из сообщения начальника выборгского охранного отделения в сентябре 1903 года: «Для осуществления преступных замыслов этих лиц (Лео Мехелин и др. — М. Л.) в Финляндии в настоящее время существуют очень благоприятные условия. Финская граница по берегу Балтийского моря никем не охраняется, имеет до 30 пунктов, где пристают крупные заграничные пароходы. Надзор за прибывающими на этих пароходах пассажирами, а также досмотр привозимых из заграничных товаров всецело лежит на местном таможенном ведомстве, должностные лица которого при общем несочувствии к России не могут быть надежными охранителями наших интересов. Но если бы даже не было этого несочувствия, то и тогда финские таможенные чиновники при полном незнании ими русского языка ничего не могут сделать в ограждении империи от проникновения в нее неблагонадежного элемента. Начальник жандармского управления лично был свидетелем такого случая, как в городе Мариенгаме проверяющий пассажирские паспорта таможенный чиновник ограничивался лишь наложением на них явочного штемпеля, совершенно не обращая (внимания) на их содержание. Когда же генерал Фрейберг спросил этого чиновника, имеются ли у него циркуляры департамента полиции со списками лиц, коим воспрещен въезд в империю, то он на это ему ответил, что циркуляры эти хотя и имеются, но он не может с ними справиться, потому что не читает по-русски».

Нисколько не лучше обстояло дело с досмотром провозимой через таможенную нелегальной литературы. На многое закрывала глаза пароходная администрация. Не раз было установлено, что лица, наблюдаемые в Гельсингфорсе, свободно заходили на прибывающие из Швеции пароходы, где вели деловые переговоры с капитанами и шкиперами, а иногда передавали им письма.

* Летом 1904 г. в здании Сената террорист-одиночка Евгений Шауман выстрелом из револьвера в висок убил генерал-губернатора Финляндии Николая Бобрикова. После чего Шауман покончил с собой.

Михаил ЛОГУНЦОВ
Другие статьи автора по истории Курортного района смотрите на сайте www.beloostrov.ru
Продолжение в следующем номере

Шведский путь газеты «Искра»

(по секретным материалам жандармских управлений)

Окончание. Начало в № 2.

Но кроме легальных путей поступления литературы в Финляндию существовало много незаконных. Так, например, в Финляндии существовал яхт-клуб, в котором члены общества на яхтах совершали поездки в Стокгольм, или, по другому варианту, две яхты встречались в открытом море, где происходила передача посылок. Причем после возвращения никакого досмотра не производилось. Но если бы он и осуществлялся, то избежать его было очень легко, пристав к берегу в любом месте.

Существовал и сухопутный способ передачи посылок на границе от города Торнео до Ледовитого океана: граница там вообще никем не охранялась, а единственная таможня находилась в Торнео. Известен случай, когда в 1902 году на таможене была задержана русская литература весом 6 пудов, которую местный цензор признал предосудительной. Но пока об этом шло донесение в главное управление по делам печати, на таможену явился какой-то неизвестный из шведского города Хапаранды (от Торнео отделяется только рекой) и, назвавшись владельцем этого транспорта, беспрепятственно взял его обратно. По существующим в Финляндии законам возвращение обратно за границу тех предметов, которые не могли быть пропущены, таможней не возбранялось.

Один из путей следования литературы через Великое княжество Финляндия в Россию пролегал через границу Олонецкой губернии, где таможенный досмотр совершенно отсутствовал. Кроме этого пути был еще другой, более близкий, по жел. дороге через Выборг до станции Антреа (Каменногорск), потом — на пароходе через Кивиниemi (Лосево) до Саккола (Громово), а затем на лошадях (около 20 км) до пристани Сартанлахти (бухта Владимирова), находящейся на западном берегу Ладожского озера. На этой пристани всегда останавливались пароходы, следующие из СПб на Валаам и обратно.

В 1902 г. филером Василием Левово, поддерживающим отношения с местными контрабандистами, были замечены Матвей Коган и Соломон Альберт, состоявшие приказчиками одного петербургского лесопромышленника. Они получали нелегальную литературу при содействии местного контрабандиста Матти Инкине и переправляли ее в СПб на баржах с дровами.

Но, пожалуй, самым частым по использованию был последний участок пути транспортировки литературы в СПб, проходящий по линии Финляндской жел. дороги. Поэтому жандармский надзор на этом пути был особенно пристальным.

Багаж из Кямере

2 мая 1903 года на ст. Райвола (Рошино) Финл. ж.д. по распоряжению начальника станции в присутствии местного жандармского унтер-офицера был вскрыт невошедший отправителем деревянный ящик (багажная квитанция № 1179) весом 50 килограммов, в котором были упакованы 2102 экземпляра революционной газеты «Искра» (№ 19, 21, 22, 23, 24 с иллюстрированными приложениями). Ящик этот был отправлен со ст. Кямере (Гаврилово) той же дороги, о чем свидетельствовали багажные клейма. Время получения этого ящика точно установить не удалось, но по документам ст. Кямере стало известно, что ящик был отправлен 20 марта. Охранное отделение сделало предположение, что отправить ящик с этой станции мог только служащий дороги, т.к. финская деревня находилась в 8 км от станции, а его содержимое «принадлежало к тому транспорту нелегальной литературы, часть которого была задержана на ст. Териоки в конце 1902 года».

Через неделю после вышеописанных событий начальник станции Райвола получил письмо из СПб следующего содержания: «Милостивый государь г-н начальник станции! Месяца 1,5—2 тому назад я сдал по ошибке ящик весом 50 кг на станции Кямере (для отправки)... не на станцию Териоки, а на станцию Райвола, где он и должен теперь находиться. Не откажите поэтому распорядиться переправить этот ящик на ст. Териоки с приложением дубликата на имя Богдановича. 9/V 1903. А. Богданович».

P.S. Квитанцию я потерял, но надеюсь, что это не послужит помехой. А.Б.»

26 мая жандармское управление потребовало от начальника охранного отделения Борисова представить меры, принятые им для выяснения личности отправителя вышеуказанного ящика. (К сожалению, в данном

архивном деле отсутствуют документы, позволяющие получить более полную информацию. — М.Л.)

Из сообщения Борисова в мае 1903 года: «Вчера 4 финских студента привезли в Выборг тяжелый чемодан. Сегодня они совещались на вокзале по-фински, куда его отправить. В Териоки или Усикирко (ст. Каннельярви). Вероятно, в чемодане литература».

Путь Гельсингфорс — Куоккала

Наблюдением, установленным в Гельсингфорсе охранным жандармским отделением за доктором философии Гельсингфорского университета Арвидом Неовиусом, было замечено, что 10 июня 1903 года он появился в порту и увез на извозчике в свою квартиру большой ящик, который без таможенного досмотра был выгружен на берег со шведского парохода «Борго». После этого им были приобретены в магазине две корзины и чемодан. В четвертом часу дня от дома, где жил Неовиус, на извозчике выехал неизвестный господин, имевший при себе чемодан и корзину, купленные ранее Неовиусом, и отправился на вокзал, где сдал их в камеру хранения. На Генриховской улице он ушел от наблюдения.

В седьмом часу вечера Неовиус вышел из дома, имея при себе три тяжелые корзины, которые он отвез на вокзал и сдал их в багаж: две корзины для отправки до ст. Усикиюля (291 км от СПб) и одну — до ст. Мустомьяки (Горьковская) Финл. ж.д. В 8 часов вечера на вокзал явился вышеупомянутый неизвестный и, получив свои вещи, сданные на хранение, выбыл из Гельсингфорса на поезде. На ст. Куоккала он вышел из поезда и на извозчике с корзиной скрылся от наблюдения, которое проводил филер Отто Жийдин. Впоследствии выяснилось, что неизвестным был врач Василий Хижняков, который в деревне Куоккала посетил дачу Фогельстрема. А 16 сентября по решению финляндского генерал-губернатора Арвид Неовиус за антиправительственную деятельность по отношению к Российской империи был выслан из Финляндии. Местом нового места жительства Неовиус избрал Стокгольм.

Для усиления наблюдения за станциями Усикиюля, Мустомьяки и Куоккала были выделены филеры СПб охранного отделения. Вечером 13 июня со станции Мустомьяки было получено извещение, что туда прибыла одна из ожидавшихся корзин. На следующий день на станцию прибыл начальник выборгского охранного отделения Борисов, который произвел осмотр корзины и убедился, что в ней содержится 785 номеров газеты «Освобождение» (№ 19—22) и 14 книг под названием «Самодержавие и земство». Корзина была арестована и доставлена в выборгское охранное отделение. На станции было установлено наблюдение и приняты меры к задержанию получателя.

На ст. Усикиюля корзины не появились. Но 14 июня было получено извещение от филера Николая Николаева о том, что он увидел в отворенную дверь станционного пакгауза две корзины, по приметам сходные с теми, которые были отправлены из Гельсингфорса. В пакгаузе в это время находились два неизвестных молодых человека. Один из них дал указание станционному служителю по-фински: «Эти корзины нужно отправить до Усикирки». Филер Николаев немедленно отправил сообщение о произошедшем на этой станции.

Из телеграммы, направленной филером Анатолием Гурьяновым из Усикирки (на условный адрес) Борисову от 15 июня: «Приезжайте лаковать. Товар наш. Анатолий». 16 июня Борисов прибыл на станцию и произвел неглас-

ный досмотр подозрительных корзин, в которых находились 931 экземпляр газеты «Освобождение» и 80 экземпляров книги «Самодержавие и земство». Корзины были арестованы и отправлены в жандармское управление Выборга. О случившемся было немедленно телеграфировано начальнику Финляндского жандармского полицейского управления с просьбой принять меры к задержанию тех лиц, которые явились бы за получением этого груза.

19 июня в жандармское управление Выборга явился констебль (финский полицейский) со станции Усикирко и доложил, что 18 июня вечером один из конторщиков станции сообщил ему, что, когда на станции не было никакого поезда, к ним в контору в 3 часа дня явилась неизвестная дама за получением корзины. Самого констебля в это время на станции не было. Когда даме объявили об аресте корзины, то она поспешила уйти из конторы, оставив там накладные, и скрылась на извозчике, приказав ему ехать до Райвола (Рошино).

Проехав около двух километров, она приказала извозчику ехать в дер. Усикирко (Поляны), но изменила свое решение и предложила ехать в имение госпожи Ланге в дер. Неувола (Горьковская), где провела около часа. Были составлены приметы неизвестной: среднего роста, лет около 30, одевается прилично, серая жакетка, соломенная шляпа, лицо нечистое (рябое или в веснушках), нос с горбинкой, длинный, глаза темные, шатенка. В имении госпожи Ланге, куда заезжала неизвестная, находился пансион, где в летнее время проживало довольно много учащейся молодежи.

Начальники станции Мустомьяки

24 июня на ст. Мустомьяки была обнаружена еще одна корзина, в которой, по имеющимся сведениям, могла быть нелегальная литература. 25 июня на станцию прибыл Борисов, чтобы произвести негласный досмотр этой корзины. Начальник станции Гринберг знал начальника охранного отделения лично, но отказался исполнить требование о досмотре, ссылаясь на то, что должно быть разрешение начальника службы движения. Спустя два часа после отправки телеграммы на станцию явился неизвестный господин, предъявив квитанцию на корзину и попросил куда-то ее отправить. Увидев, что корзину уносят на платформу, Борисов вновь обратился к Гринбергу с просьбой о ее досмотре, но последний сказал, что он не имеет права не выдать корзину при предъявлении квитанции. Начальник охранного отделения был вынужден последовать за корзиной.

На станции Териоки корзина была отправлена в багажное отделение. Помощник начальника станции беспрекословно выполнил просьбу о досмотре. В корзине была революционная литература. Неизвестный господин из поезда не вышел, а принимать какие-либо решительные меры Борисов не мог, пока не узнал, что находится в корзине.

О произошедшем случае на станции Мустомьяки начальник охранного отделения доложил выборгскому губернатору 3 июля 1903 года: «...Начальник станции не только не сочувствующий в противоправительственном движении, но даже отказался оказать помощь хотя бы отдаленную. Так, например, заподозрил полицейского констебля Булина в сношениях с сыщиками и жандармами». Воспретил просматривать ему получаемую на станции корреспонденцию, 14 июня при задержании первой корзины, прибывшей в Мустомьяки, начальник станции не оказал помощь в задержании получателя и категори-

чески заявил начальнику Финляндского жандармского управления, что полицейских обязанностей он исполнять не намерен, что для этой цели есть жандармы».

В соответствии с приказом министра внутренних дел (не позже 9 июля), «за задержание 14 июня 1903 г. трех корзин с нелегальной литературой, отправленных из Гельсингфорса» денежные премии получили агенты охранного отделения Отто Жийдин и Анатолий Гурьянов — по 75 руб. каждый, и констебль станции Мустомьяки Булин — 50 руб....

Очень скоро, 1 августа, стало известно, что в конце июня на станции Мустомьяки из Гельсингфорса была получена небольшая корзина, похожая на ту, что была арестована 14 июня. Также стало известно, что по распоряжению помощника начальника станции Оскара Грендаля посылка была отправлена обратно в Гельсингфорс, якобы для дальнейшего хранения. По правилам, существовавшим на Финл. жел. дороге, неполученный багаж должен храниться на станции 3 месяца. После этого он отсылался на станцию отправления, где также хранился 3 месяца, и если оказывался невостребованным, то продавался с аукциона.

2 августа жандармское управление было уведомлено об аресте этой корзины среди невостребованных грузов в Гельсингфорсе, однако обнаружить ее не удалось. В ходе расследования по этому делу сторож Вальтер показал, что корзина прибыла на станцию Мустомьяки с поездом № 18 из Гельсингфорса 18 июня 1903 года в виде посылки на имя М. Шнейдера. За корзиной никто не являлся, и она пролежала на станции Мустомьяки ровно месяц. Сторож, желая знать, не находится ли в корзине скоропортящийся груз, вскрыл ее и увидел, что она наполнена газетами, совершенно такими же, что были арестованы жандармской полицией 14 июня. Он тотчас доложил об этом Грендалю, но тот приказал немедленно вернуть корзину обратно в Гельсингфорс и не говорить об этом ни жандарму, ни констеблю. Корзина была отправлена 18 июля, и в книге отправок станции Мустомьяки имелась отметка за № 35 на имя начальника станции Гельсингфорс.

По сведениям охранного отделения Гельсингфорса, корзина эта сохранилась на станции Гельсингфорс до 15 августа и затем была выдана предъявителю квитанции, по которой она была отправлена из Гельсингфорса в Мустомьяки. Роспись получателя в книге записи отсутствовала, и на станции Гельсингфорс он известен не был. Круг замкнулся.

О таком случае явного укрывательства транспортировки русской революционной литературы со стороны помощника начальника станции Оскара Грендаля, а также запрещения сторожу Вальтеру рассказывать жандарму и констеблю о содержимом корзины и возвращении ее неустановленному отправителю было доложено выборгскому губернатору 21 октября 1903 г. начальником отделения Борисовым «на распоряжение»...

После развала Советского Союза прошло почти два десятка лет, но нынешнему молодому поколению уже не знакома история создания первых марксистских кружков в России, а зачастую и имя Ленина. В конце 1980-х годов на станции Белоостров вандалами была разбита памятная мраморная доска (установлена в сентябре 1965 г.) и порезана ножом картина художника Е.Е. Рубина (165x220 см, установлена внутри вокзала в 1987 г. к 70-летию Октябрьской революции) (см. фото), рассказывающие о приезде Ленина в Белоостров 3 апреля 1917 г. А ведь это тоже часть истории нашего государства, которую не следует предавать забвению.

Михаил ЛОГУНЦОВ

Другие статьи автора по истории Курортного района смотрите на сайте www.beloostrov.ru